

УДК 821.512.141

О ТЮРКО-ЯЗЫЧНЫХ ДАСТАНАХ ЗОЛОТООРДЫНСКОЙ ЭПОХИ**Идельбаев М.Х.***ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», Уфа, e-mail: mirasidel@mail.ru*

В XIV столетии на территории государства Золотая Орда на языке тюрки было создано несколько крупных художественных произведений в жанре дастана, которые впоследствии стали достоянием словесности современных тюркских народов и заняли место в сокровищнице мировой литературы. Это «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббатнаме» Хорезми, «Джумжума султан» Кятиба, «Гулистан бит-тюрки» и «Сухейль и Гульдерсен» Сараи. Авторы данных сочинений были весьма образованными людьми своей эпохи, наряду с тюркским хорошо владели персидским и арабским языками, отлично знали историю народов, населяющих Урало-Поволжье, Среднюю Азию и Ближний Восток, а также фольклорные и общетюркские литературные традиции древности и средневековья. Их дастаны, созданные как в стихотворной, так и в прозаической форме, поднимали общечеловеческие общественные и морально-этические проблемы в тесном переплетении с любовной тематикой.

Ключевые слова: Золотая Орда, дастан, тюркский письменно-литературный язык, авторский экземпляр, нравственно-философские вопросы, любовная тематика, башкирская литература

ABOUT TURKIC-LINGUAL DASTANS OF AN ERA OF THE GOLDEN HORDE**Idelbayev M.H.***FSBEI HE «The Bashkir state university» Zaki Validi Street, Ufa, e-mail: mirasidel@mail.ru*

The several large literary works have been created in a genre of a dastan in the XIV century in the territory of the state of the Golden Horde in Turkic language which became property of literature of the modern Turkic people and it have taken the place in the treasury of the world literature. There are «Khosrow and Shirin» of Kutba, «Mukhabbatnama» of Horezmi, «Dzhumzhuma sultan» of Kyatiba, «Gulistan bit Turki» and «Sukheyli and Guldursen» of Sarai. The authors of these compositions were very educated people of the era, they knew Persian and Arab languages along with Turkic language, also they knew perfectly history of the people, which inhabiting in the Uralo-Volga region, Central Asia and the Middle East, and also folklore and all-Turkic literary traditions of antiquity and the Middle Ages. Their dastana, which created both in poetic and in prosaic form, lifted universal public and moral -ethical problems in close interlacing with love themes.

Keywords: Golden Horde, dastan, Turkic written-literary language, author's copy, moral-philosophical questions, love theme, Bashkir literature

В XIII – XV в. Золотая Орда занимала огромную территорию от Иртыша до Днепра, от Волжской Булгарии до Хорезма. Здесь рождалась своеобразная культура, общая для многих населявших эти земли племен, основную массу которых составляли тюрки. Создателями этой культуры являлись ученые, писатели, поэты, которые жили на Урале, в Поволжье, Хорезме и Крыму. На языке тюрки создавались художественные памятники различных жанров. Особое место среди них занимают дастаны – крупные поэтические и прозаические сочинения эпического содержания, которые ныне считаются достоянием словесности современных тюркских народов.

Целью исследования является прослеживание поэтики и выявление художественных достоинств наиболее известных в истории общетюркской литературы дастанов золотоордынской эпохи.

Материалы исследования: Дастаны XIV столетия «Хосров и Ширин» Кутба, «Мухаббатнаме» Хорезми, «Джумжума сул-

тан» Хусама Кятиба, «Гулистан бит-тюрки» и «Сухейль и Гульдерсен» Саифа Сараи.

На территории государства Золотой Орды в XIII – XV вв. путем слияния древнего книжного тюрки с элементами местного кыпчакского говора формируется смешанный тюркский письменный литературный язык, которым в течение нескольких столетий вплоть до начала XX в. пользовались тюркские народы, создавали крупные поэтические и прозаические сочинения как лирического, так и эпического содержания, которые считаются достоянием евразийской, отчасти и мировой художественной словесности. В данной статье затрагиваем лишь некоторые из них; а именно -- эпические памятники XIV столетия.

«Хосров и Ширин» Кутба – общетюркский памятник литературы ногайцев, башкир, узбеков, туркмен, казахов и каракалпаков, входивших в состав Золотой Орды. В этой поэме нашли наиболее успешное развитие традиции средневекового дастана. Разрозненные сведения об авторе свидетельствуют о том, что он был человеком об-

разованным, владел арабским, персидским и тюркскими языками. Поэма посвящена хану Белой Орды Тынибеку (1337–1340). Авторский экземпляр с посвящением не сохранился. До наших дней дошел только египетский список 1383 года, хранящийся в Национальной библиотеке Франции.

Сюжет поэмы Кутба известен на Востоке с древнейших времен. Предания о шахе Хосрове II Парвизе, который правил в Иране в 590–628 гг., и его жене Ширин сложились еще в IX в. Этот сюжет в X в. использовал Фирдоуси в «Шахнаме», в конце XII в. – Низами, создававшие свои сочинения на персидском языке. Кутб написал свою поэму «Хосров и Ширин» как вольный перевод на тюркский язык персидской поэмы Низами.

Центральной тема любви в дастане воплощена в треугольнике Хосров – Ширин – Фархад. «К любви я призываю мир», – говорит автор [7, 17], и в решении этой вечной темы выявляются его морально-философские воззрения.

Кутба волнуют вечные общечеловеческие проблемы. Человечность, честь и верность, значение созидательного труда и ремесел, справедливость правителей, – все эти и другие нравственно-философские вопросы решаются автором с позиций гуманизма, на фоне глубоких любовных переживаний героев. Он восхваляет добросовестный труд во имя общества, стремление к знаниям, милосердие, осуждает пьянство и чревоугодие, коварство и жестокость.

Призыв и пожелания поэта обращены не только к читателям, но и к правителям. Как и другие его современники, он питает иллюзии о справедливом и просвещенном царе. Его больше беспокоят судьбы и переживания живых людей, нежели радости потустороннего мира. События поэмы Кутб переносят на местную почву, изображает их на фоне действительности Золотой Орды.

Кутб несколько раз подчеркивает, что его герой происходит из тюрков. Вместо не свойственных для Урало-Поволжья титулов он употребляет понятные местному читателю слова – бахадир, бек, бай и др. Шахские дворцы нередко заменяются названиями тюркских жилищ – тирмэ (юрта), чатыр (шатер, палатка). Ритуал застолья, посуда, кушанья, предметы обихода и одежда – все здесь местное, тюркское.

Естественно, что мысли и поэтические откровения Кутба оказались созвучны башкирской литературе, отразившись, прежде всего, в кубаирах, импровизациях сэсэнов, шежере и в различных жанрах устного народного творчества. В них, наряду с провозглашенными в дастане «Хосров и Ши-

рин» гуманистическими принципами добра, справедливости, красоты человеческих отношений, звучат мятежные ноты протеста против произвола ханов. Дидактическое содержание дастана «Хосров и Ширин» привлекало башкирских поэтов-просветителей XIX в. М. Акмуллу и М. Уметбаева. «Надо учиться, башкиры мои!» – призывал Акмулла [1, 41], следуя за Кутбом – горячим борником знаний.

«Книга любви» («Мухаббатамэ») Хорезми. Немногие сведения о жизни Хорезми содержатся в тексте его поэмы, которая была написана в 1353 году и посвящена одному из беков Белой Орды – Мухаммаду-ходже. Близкий родственник хана Джанибека, этот человек был эмиром Азова в 1357–1359 гг., посещал Москву в качестве ханского посла. Как сказано в поэме, Мухаммад-ходжа высоко ценил поэтический дар Хорезми и просил поэта посвятить ему книгу.

По тому, как смело поучает поэт этого высокопоставленного сановника, можно сделать вывод, что Хорезми был к тому времени человеком немолодым, многое повидавшим, знал произведения Фирдоуси, Низами, Кул Гали, Кутба, дидактические дастаны на тюркском языке о Гали-батыре.

Подлинник «Книги любви» не сохранился. Известны два списка на арабском и уйгурском алфавитах, оба хранятся в Британском музее в Лондоне. К настоящему времени опубликованы оба списка дастана [4; 5].

В отличие от других тюркских дастанов XIV в., «Книга любви» – не эпический, а лирический дастан. С самого начала автор предупреждает читателя, что сочинение его будет состоять из десяти писем, адресованных своей возлюбленной, и два из них он напишет на персидском языке. В нем Хорезми часто обращается к воображаемому участнику застолья. При этом его слово адресовано не только очаровательной красавице, но и хозяину дома Мухаммаду-ходже, гостям, виночерпию и повару. Так любовная линия переплетается с вопросами повседневной жизни и ведет к сложным философским выводам. Этому способствует сочетание разных поэтических жанров.

Письма поэта прежде всего представляют собой описание красоты возлюбленной. Для этого автор использует традиционные сравнения. В тюркских письмах стан красавицы уподобляется стройному дереву, ее лицо – солнцу, изогнутые брови – молодому месяцу и т.д. В персидских – изобразительными средствами чаще всего являются пальмы, кипарисы, гранаты, нарциссы, розы и т.д. Образно-стилистическая стихия

обоих языков близка поэту, хотя предпочтение он отдает родному тюркскому.

«Книгу любви» можно было бы назвать небольшой, но до предела насыщенной энциклопедией любви. Неудивительно, что это произведение пользовалось огромной популярностью еще при жизни поэта и оказало заметное влияние на развитие лирической поэзии. Многие любовные стихи, появившиеся в тюркской литературе после Хорезми, напоминают отдельные фрагменты, беиты и строки его дастана. На его традициях широко распространяется форма стихотворного и прозаического послания и в башкирской литературе. Написанный на литературном тюрки, в основе которого лежал кыпчакский язык Урало-Поволжья, дастан «Книга любви» был понятен и близок широкому слою читателей. Завораживала их, очевидно, форма обращения к участникам застолья, напоминавшая выступления сээнов перед слушателями. Не исключено, что и сам Хорезми, перед тем, как запечатлеть на бумаге отдельные послания и газели дастана, читал их своим слушателям наизусть, как сочинения самостоятельного содержания.

«Джумджума-Султан» Хусам Катиба. Из всех тюркско-кыпчакских дастанов XIV века наибольшее распространение в Урало-Поволжье получил «Джумджума-султан» («Череп-султан») (1369). Свое имя и год написания этого произведения автор сообщает в самом последнем двустишии: «Семьсот семидесятый год настал, когда Хусам Катиб закончил сей дастан» [6, 41]. Никаких других сведений о поэте в тексте нет, точные даты его жизни неизвестны.

Контекст произведения свидетельствует о глубоких познаниях автора. Во вступительной части дастана он упоминает имена Ануширвана, Искандера Зулькарнайна (Александра Македонского), Чингиз-хана, героев литературных памятников – Хосрова, Ширин, Рустама и др. Написано сочинение с большим эмоциональным чувством, выдержанном в стройном ритме, что говорит о несомненном поэтическом мастерстве автора.

«Череп-султан» – эпическая поэма. Она представляет собой контаминацию двух сюжетов, широко распространенных в евразийской литературе древности и средневековья: хождение главного героя по мукам ада и похождения человеческого черепа. Сюжеты о путешествии на тот свет известны в мировой литературе с древнейших времен. Достаточно вспомнить античные «Одиссею» Гомера и «Энеиду» Вергилия, «Божественную комедию» Данте эпохи Возрождения.

Сходство изображений картин потустороннего мира в поэме Катиба и «Божественной комедии» несомненно. Данте путешествует по царству мертвых в сопровождении Вергилия. А султана водит пророк Иса, что придает поэме некоторые черты религиозности. Но главное в том, что в обоих случаях путешественники встречаются в аду многих известных в прошлом людей. Увиденное в аду наводит героя на размышления о быстротечности жизни, о долге и ответственности человека перед обществом, о цене расплаты за содеянное. Эпические сюжеты, в которых человеческая голова наравне с другими персонажами выступает в качестве героя, в литературах Востока также имели древние традиции. Одновременно с поэмой «Череп-султан» на Урале и в Поволжье бытовал дастан об Отсеченной Голове («Кисекбаш китабы»). Так же как «Череп-султан», он написан арузом, по своей фонетической системе, грамматическим особенностям его язык близок не только к литературному письменному, но и разговорному языку.

Близость поэмы «Череп-султан» к башкирской и татарской литературам бесспорна. Если в башкирских сказках и легендах встречаются сюжеты об отрезанной голове, то в письменной литературе Урало-Поволжья появляются такие произведения, как «Путь к райским садам» («Нахдж аль-фарadis»), «Отсеченная Голова», стихи Г. Усмана и др. О том, что традиции средневекового дастана продолжают свою жизнь, говорит пародийная интерпретация мотивов «Отсеченной Головы» в поэмах Г. Тукая и Ш. Бабича.

«Гулистан – бит тюрки» Саифа Сарай. Если от предыдущих авторов сохранилось лишь по одной поэме, то из произведений Саифа Сарай до нас дошли два дастана – «Гулистан бит-тюрки» («Гулистан потюрски») и «Сухейль и Гюльдерсен», а также более десяти газелей и рубаи, двустишия и подражания стихам других тюркских поэтов.

Впервые о Саифе Сарай сообщил в 1851 г. голландский ученый Р. Дози в своем описании восточных рукописей библиотеки Лейденского университета. В 1964 г. Ф.Н. Узлюк опубликовал в Анкаре текст лейденского списка «Гулистан бит-тюрки». В последующие годы интерес к этому памятнику проявляли ученые Ф. Кепрюлюзаде, А. Бомбачи, К. Давронов, Э. Наджип, Х. Миннегулов и другие.

Другое произведение Саифа Сарай – «Сухейль и Гюльдерсен» – было обнаружено Н. Давроновым в 1965 году в Кокандском районе Узбекистана в составе рукописи

под названием «Ядкар-наме». Эта рукопись была привезена из Аравии людьми, совершавшими хадж еще в XVIII в.

По предположению ученых, Сараи родился в 1321 году в пределах Золотой Орды в селении Камышлы на Волге (по другой версии – в Хорезме). Через какое-то время Сараи был вынужден оставить родные места и обосноваться в Египте. Как и вышедший из башкир поэт Насретдин аль-Насыри, он входил в круг просвещенных людей, встречался с видными писателями, среди которых были и тюрки.

«Гулистан по-тюркски» Саифа Сараи является творческим переводом «Гулистана» великого персидского поэта Саади (1203–1292), состоящим из прозаических и стихотворных частей. Башкиры, как и другие тюркские народы, были знакомы с ней в оригинале, а также по имевшимся еще до этого переводам. Памятник состоит из восьми глав, включающих многочисленные прозаические хикаяты, хикматы и насихаты, предваряющие стихотворные нравоучения в форме рубаи, маснави, касыды, кытга и т.д. В первой главе речь идет об отношении падишахов к народу, которые должны быть справедливы и милосердны к подданным. Мудрыми правителями называются Фаридун, Себуктегин, Науширван, Ормуз и др. Вторая глава посвящена жизни бедноты. Автор утверждает: подобно тому, как роза и простая трава произрастают в одном саду, так и все люди – дети одной страны. Матерью всех пороков автор считает духовную нищету. По его мнению, духовно богатый человек не нуждается в богатстве материальном. Несколько раз он приводит в пример легендарного мудреца Лукмана, с именем которого в ряде башкирских шежере связывается начало своего рода. Образы многих героев, пословицы и поговорки этой главы встречаются в изустной и письменной литературе башкир.

Третья глава учит воздержанию и смирению. Кто недоволен тем, что дала ему судьба, того непременно постигнет несчастье, утверждает автор: «О, воздержанность, ты мое богатство, // И нет большей ценности в мире, чем ты. // Знайте же, во всем был воздержан Лукман. // Кто не воздержан, в том нет и мудрости» [3, 127].

В четвертой главе говорится о магической силе слова. Поэт советует быть скромным, не спорить с глупым и злым человеком, не перебивать говорящего, трезво воспринимать похвалу, больше верить хуле врага, чем лести друзей.

Чтобы достичь философской глубины, Сараи умело использует прием образных контрастов (правители и простые смертные, молодость и старость, красота и урод-

ство) и указывает на морально-этическую подоплеку явлений. Молодость, в понимании поэта, синоним красоты и любви (Пятая глава). Причем, внутренняя красота человека выше красоты внешней: «Все, что нам сердце согревает, то и взор наш ласкает». Отцовская забота и равнодушие сына, мудрость старших и легкомыслие молодых – в таких противопоставлениях поэт показывает сложность человеческих отношений (Шестая глава).

Седьмая глава посвящена воспитанию человека. Здесь говорится о пользе знаний, о труде и ремеслах, об отношении к родителям, о щедрости и жадности и т.д. Требования автора основаны на многовековом житейском и нравственном опыте тюркских народов, в том числе и башкир.

Последняя глава состоит из коротких поучительных высказываний названных «хикмат» (притча) и «насихат» (назидание). Здесь резюмируются почти все мысли предыдущих глав и закрепляются морально-философские. Сараи опирался на древние традиции тюркской поэзии, в частности, на «Благодатное знание» Юсуфа Баласагуны (XI в.). Турецкий ученый М.Ф. Кепрюлюзаде утверждал: «Подобно тому, как «Кутадгу билиг» является венцом древнетюркской литературы, так и «Гулистан по-тюркски» оставил глубокий след в литературе средних веков» [2, 362].

В начале другого дастана под названием «Сухейль и Гульдерсен» автор повествует об опустошительных походах Хромого Тимура. В кровопролитной битве в Ургенче военачальник Сухейль попал в плен, и Тимур велел бросить его в темницу. Во сне Сухейль увидел красивую девушку, которая оказалась дочерью шаха. Она же мельком заметила пленника, когда его вели в подземелье, и влюбилась в него. Усыпив стражу, Гульдерсен освободила Сухейля, и они убежали в пустыню. Но влюбленным не суждено было насладиться счастьем: девушка умирает от голода и жажды, а Сухейль, потеряв любимую, закалывает себя кинжалом.

Это произведение написано в традициях дастанов того периода. И все же, в отличие от них, в нем нет места религиозным мотивам и мифологической фантазии. Все здесь связано с реальными событиями, с социально-историческим положением Золотой Орды в эпоху завоеваний Тимура. Гуманистическая по содержанию, пронизанная романтическим духом, поэзия Саифа Сараи вошла яркой страницей в историю тюркских литератур и оказалась созвучной нашему времени.

Влияние дастанов Кутба, Хорезми, Катоба и Сараи на башкирскую литературу

средневековья и новой эпохи шло разными путями. Башкиры, знакомые с восточной классикой, знали их первоисточники на арабском или персидском языках и были подготовлены к художественному восприятию произведений тюркских мастеров слова и развитию их традиций. А менее грамотная часть населения распространяла их сюжеты изустным путем и тем самым обогатила эпический репертуар башкирского фольклора. Наиболее заметные традиции данных памятников обнаруживаются в творчество таких башкирских поэтов дореволюционного периода, как С. Юлаев, Г. Урман, Т. Ялыгулов, Г. Сокрый, М. Акмулла, М. Уметбаев, С. Якшигулов и Ш. Бабич.

Заключение

Дастаны Кутба, Хорезми, Катаба, Сараи являлись самыми заметными произведениями общетюркской литературы средних веков. В них общественные и морально-

этические проблемы времени освещались в тесном переплетении с темой любви. Эти памятники оказывали ощутимое влияние на дальнейшее развитие литератур тюркских народов.

Список литературы

1. Акмулла. Стихотворения / Составитель А.Х. Вильданов. – Уфа: Башк. кн. изд., 1981.
2. Кепрюлезде Ф.М. История турецкой литературы. Т. 1. – Стамбул, 1926 (на турецк. яз.).
3. Саиф Сараи. Гулистан. Лирика. Дастан / Составитель, автор предисловия и заключения Х.Ю. Миннегулов. – Казань: Тат. кн. изд., 1999 (на татарск. яз.).
4. Хорезми. Мухаббатнаме / Издание текста Э.Н. Наджипа. – М., 1961.
5. Хоразмий. Мухаббатнома / Издание текста А. Фазылова. – Ташкент, 1959.
6. Хусам Катиб. Джумжума Султан / Подготовка текста к изданию: Р.Ф. Исламов. – Казань, 2000.
7. Zajanczkowski A. Najstarsza wersja turecka Husrau i Sirin Qutba. Warszawa, I – II ч., 1958.